

- ¹¹ Софийские летописи : Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 28.
- ¹² Володихин Д. Московско-литовские войны (конец XV – середина XVI веков) // Энциклопедия для детей : в 48 т., 57 ч. Т. 5, ч. 1 (История России и ее ближайших соседей) / сост. С. Т. Исмаилова. М. : Аванта+, 1995. С. 308.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 4. С. 291 ; Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 6. С. 28 ; Псковская летопись. С. 184–185.
- ¹⁴ Софийские летописи : Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 260.
- ¹⁵ Книга Степенная царского родословия : в 2 ч. Ч. 2 // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, вторая половина. С. 592–595 (Степень 16, гл. 11 «Чюдо преподобного чудотворца Сергия о преславной победе на Литву у града Опочки»).
- ¹⁶ Софийский Л. И. Указ. соч. С. 28–29 ; Житие преп. Сергия Радонежского. Гл. 55.
- ¹⁷ Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 155–176.
- ¹⁸ Гебберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малейна и А. В. Назаренко ; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич ; под ред. В. Л. Янина. М. : Изд-во МГУ, 1988. С. 235–239.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 4. С. 291 ; Псковская летопись. С. 185.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 4. С. 300 ; Псковская летопись. С. 187.
- ²¹ Псков и его пригороды. Книга первая (Подлинная писцовая книга № 355 письма и меры Григория Ивановича Мещанинова-Морозова и Ивана Васильевича Дровнина : Город Опочка и его уезд. 1585–1587 гг.) // Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5 (далее – Сб. МАМЮ. Т. 5). М., 1913. С. 395–417.
- ²² ПСРЛ. Т. 4. С. 311, 314 ; Псковская летопись. С. 196, 200–201.
- ²³ ПСРЛ. Т. 4. С. 314 ; Псковская летопись. С. 201.
- ²⁴ Бутырский И. П. Опыт древней истории города Опочки. С. 87, 96 ; Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. С. 59.
- ²⁵ Митрополит Евгений (Болховитинов). История княжества Псковского / сост. Н. Ф. Левин, Т. В. Круглова. Псков : обл. типогр., 2009 (Псковская историческая библиотека). С. 107, 378 (первое изд. : Киев, 1831).
- ²⁶ Лагунин И. И. Историко-градостроительный очерк г. Себежа и его окрестностей. С. 130.
- ²⁷ Иванов Ю. Г. Старинные крепости России. Смоленск, 2004. С. 184.
- ²⁸ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. IX, гл. V // Карамзин Н. М. История Государства Российского Издание пятое. В трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями. Книга III (тома IX–XII). СПб., 1843. Стб. 194, 205 (текст) ; Стб. 128, 133 (примеч.).
- ²⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, вв. ст. и ред. В. И. Буганова. М., 1966. С. 313.
- ³⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 320, 330.
- ³¹ [Пиотровский С.] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию // Осада Пскова глазами иностранцев : Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / пер. с польск. О. Н. Милевского ; вступ. ст. и коммент. д-ра ист. наук проф. А. А. Михайлова ; биогр. очерк Н. Ф. Левина. Псков, 2005. С. 299.
- ³² Там же. С. 276.
- ³³ Там же. С. 301, 302, 315, 403.
- ³⁴ Гейденштейн Р. Записки о московской войне / пер. И. И. Виноградов ; ред. В. Г. Васильевский. СПб., 1889. Кн. 4. С. 184–185.
- ³⁵ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», Ливония» и др.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 183.
- ³⁶ Карамзин Н. М. Указ. соч. Примеч. Стб. 133 (сноска 600).
- ³⁷ Софийский Л. И. Указ. соч. С. 90.
- ³⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 338–339, 347, 358, 376, 389, 398, 411–412, 434, 458, 469, 477–478, 484, 491–492, 502, 511, 536 ; Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина ; под ред. В. И. Буганова : в 4 т. М., 1994. Т. 4, ч. 1. С. 11–12, 94 ; Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов : в 2 т. М., 1975. Т. 2, вып. 1. С. 7, 174, 197 ; Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 74, 112, 127–128, 144.

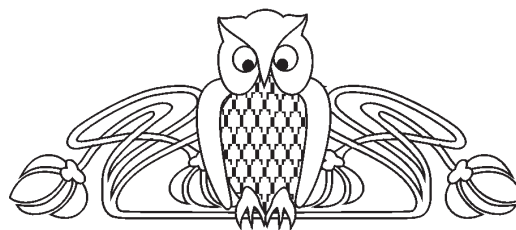
УДК 94(47).05/06+929Дидро

«ХОРОШИЕ НАБЛЮДАТЕЛИ»: ОБ ИСТОЧНИКАХ СВЕДЕНИЙ Д. ДИДРО О РОССИИ

С. А. Мезин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: mezinsa@mail.ru

Статья посвящена выяснению источников сведений Д. Дидро о России накануне его визита в Петербург. Автор анализирует сочинения и переписку философа и приходит к выводу, что Дидро

был хорошо знаком с основными произведениями европейской россиики. Он вел активный обмен мнениями со своими французскими и русскими собеседниками о путях «цивилизации» России. Взгляды этих «наблюдателей» представлены автором статьи.

Ключевые слова: французская россиика XVIII века, Д. Дидро, Ж. Шапп д'Отерош, А. Р. Санчес, Е. Р. Дашкова, Д. А. Голицын, цивилизация.

«Good Observers»: On Diderot's Sources of Information about Russia

S. A. Mezin

The article is devoted to the sources of Diderot's information about Russia before his visit to St. Petersburg. The author analyses works and correspondence of the philosopher and comes to the conclusion that Diderot was quite familiar with the main works of the European *rossika*. He actively shared his opinions with his French and Russian interlocutors concerning the ways of "civilization" of Russia. The names of these "observers" are ascertained by the author of the article.

Key words: French *rossika* of the 18th century, D. Diderot, J. Chappe d'Auteroche, A. R. Sanches, E. R. Dachkova, D. A. Golitsyn, civilization.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-269-275

Размышляя о путях «цивилизации» России, Дени Дидро в первом издании «Истории обеих Индий» (1770)¹ поставил под сомнение результаты преобразований Петра I: «хорошие наблюдатели, которые исследуют результаты деяний, без труда разберутся в череде блестящих ошибок [Петра I], оставивших обширные области без законов, без свободы, без богатств, без населения и без промышленности»².

Один из главных вопросов, которые возникают в связи с отрывком 1770 г., – это вопрос об источниках сведений Дидро о России, о том, кого он считал «хорошими наблюдателями». Прямо или косвенно Дидро мог познакомиться с критическими замечаниями авторов начала XVIII века: Д. Перри, Ф. И. Страленберга, Ф. Х. Вебера. Негативные черты в состоянии «преображенной» Петром I России позже отмечали многие очевидцы – Ф. Локателли³, Ф. Альгаротти⁴, Ж. Шапп д'Отерош. Не весьма привлекательный образ России рисовался в известной Дидро «Истории и анекдотах о революции в России в 1762 году» К. К. Рюльера. Мимо внимания Дидро не прошло, наверное, и письмо физиократа П. П. Ле Мерсье де Ла Ривьера, которого он высоко ценил, к Рейналю, с которым Дидро прямо сотрудничал:

«Мой дорогой аббат, всё необходимо делать заново в этой стране. Ещё лучше сказать, всё необходимо разрушить и сделать заново. Вы хорошо понимаете, что невозможно, чтобы беззаконный деспотизм, абсолютное рабство и невежество не посеяли бы всякого рода злоупотреблений, которые пустили глубокие корни, так как нет более плодovitого и неприхотливого растения, чем злоупотребления. Они произрастают повсюду, где их культивирует невежество»⁵.

Как видим, известный физиократ вынес суровый приговор всей предшествующей «цивилизации» России. Здесь слышится переключка со словами Фонтенеля, который в «Похвальном слове царю Петру I» аналогично характеризовал Древнюю (допетровскую!) Русь: «Всё необходимо было делать заново в Московии, там нечего было

улучшать»⁶. По де Ла Ривьеру получалось, что труды Петра I и его наследников тоже ни к чему не привели, не приблизили Россию к цивилизованному состоянию.

В 1768 г. Дидро прочитал книгу ученого-астронома аббата Шаппа д'Отероша «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году», которая наделала тогда много шума. Путешественник, пробывший в России почти полтора года, нарисовал мрачную картину русской истории и современности. Все прошлое России представлялось автору чередой тиранов, непрерывно укреплявших рабство, кровавых мятежей и войн. Автор, близкий к просветительским кругам, отмечал отсутствие третьего сословия в России. Деспотизм и рабство были для него главными отличительными чертами русского общества. Досталось и Петру I:

«Может показаться, что Пётр I создал новую нацию, но он не сделал ни малейших изменений в устройстве правительства; народ так и остался в рабстве, царь лишь укрепил его узы. Он заставил дворянство служить, всех без исключения. Из среды простого народа набирают молодых рабов, которых направляют в академии и школы: одним уготовано литературное поприще, другим – наука и искусства, без учета их таланта и склонности...»⁷ Автор не раз высказывал сомнения в том, что «эта страна станет цивилизованной».

В «Антидоте»⁸ (1770) Екатерина II попыталась опровергнуть основные положения книги Шаппа, впрочем, её доводы были не особенно убедительны.

Дидро не питал большого уважения к своему коллеге-астроному, называя его «дураком, зовущимся аббатом Шаппом»⁹. В письме к М. Гримму от 4 ноября 1771 г. философ писал об «ошибках и лжи» Шаппа¹⁰. Однако еще большую неприязнь он испытывал к «Антидоту», не подозревая о его принадлежности перу русской императрицы:

«Вот книга наихудшая по своему тону, самая мелочная по своей сущности, абсурдная по своим претензиям. Всё опровергается таким образом, будто русские – самый мудрый, самый цивилизованный, самый многочисленный и богатый народ на земле. Тот, кто опровергает Шаппа, достоин большего презрения за свою лесть, чем Шапп за свои ошибки и ложь»¹¹.

В этом отзыве заслуживает внимание вновь продемонстрированный Дидро скепсис в отношении уровня цивилизации России. Как уже не раз указывали исследователи, критике Дидро в отношении книги Шаппа не следует придавать особого значения, поскольку чтение «Путешествия в Сибирь», а также «Антидота» могло стать толчком к дальнейшим размышлениям философа о российской цивилизации, которые в некоторых случаях оказались созвучны идеям Шаппа¹².

Ценную информацию для понимания процессов, которые идут в России, могли дать Дидро беседы с русскими знакомыми.

В своем критическом отношении Дидро мог утвердиться в ходе бесед с одной из самых образованных русских женщин того времени Екатериной Романовной Дашковой¹³. По её словам, в ноябре 1770 г., будучи в Париже 17 дней, она часто встречалась с Дидро¹⁴. По свидетельству Дидро, они провели в беседах четыре вечера¹⁵. Через тридцать пять лет, описывая в мемуарах свои встречи с Дидро, Е. Р. Дашкова, конечно, могла ошибаться в подробностях. Но едва ли она ошибалась в том, что в те вечера речь шла о «рабстве наших крестьян», о «деспотизме». Беседа касалась и Петра I, которого Дашкова упрекала в усилении тирании помещиков над крестьянами.

«Однажды он заговорил со мной о рабстве, в котором, по его мнению, находятся наши крестьяне»¹⁶. Дидро полагал, что крепостное состояние не позволяет русским крестьянам стать богатыми и просвещенными. Дашкова не была сторонницей немедленной отмены крепостного права, она разделяла господствующую среди просвещенных россиян точку зрения, согласно которой крестьян следует сначала просветить, а потом освобождать. Кроме того, она пояснила Дидро существование связи между крепостным состоянием крестьян и зависимостью дворянства от воли монарха. Дашкова не без оснований полагала, что всё русское общество сковано одной цепью, и разрушение лишь отдельных звеньев этой цепи не принесёт пользы¹⁷. Утверждение автора «Записок», что она сумела убедить Дидро в правоте своей позиции, не вызывает доверия у современного биографа учёной княгини¹⁸.

Нельзя сказать, что взгляды Дашковой на реформы Петра I и последующее развитие России во всём совпадали с суждениями Дидро и Рейналя. В её высказываниях проскальзывают элементы великодержавной риторики, почти славянофильского патриотизма, сословной спеси, – всё это было чуждо французским философам. И, тем не менее, нельзя не увидеть определенного параллелизма в их восприятии «цивилизации» России. Дашкова, как и Дидро, отрицает идею Фонтенеля–Вольтера о «творце новой нации». Для неё, как и для французских просветителей, отличительными чертами деятельности Петра I были деспотизм, грубость, насилие. Указание на то, что цивилизация должна идти мирным, естественным путём, неприятие милитаризации русского общества, отрицательное отношение к Петербургу, признание неудачи образовательной политики Петра I – всё это роднило взгляды Дашковой и Дидро. Таким образом, вполне можно допустить взаимное влияние двух собеседников в понимании исторического пути России в XVIII веке.

Одним из верных источников знаний о России было для Дидро общение с доктором Антонио Рибейро Санчесом, известным врачом и ученым, прожившим в России семнадцать лет – с 1731 по 1747 г. Санчес хорошо знал Россию и русских, более того, он, как и Дидро, размышлял о ее

настоящем и будущем, проявляя интерес к теоретическим трудам физиократов и философов шотландской исторической школы. Уже в 1760 г. доктор Санчес был среди собеседников Дидро, с которыми он в гостях у барона Гольбаха обсуждал «Историю Петра» Вольтера и положение дел в России. В 1764–1771 гг. он написал целый ряд (до 20!) записок о России, в том числе собственный проект развития науки и образования в России, не просто созвучный «цивилизационным» планам знаменитого энциклопедиста, но, по-видимому, оказавший на него прямое влияние¹⁹. Медицинское образование Санчес получил в Лейдене под руководством знаменитого Германа Бургаве, который лично знал Петра I. Доктор Санчес приехал в Россию через шесть лет после смерти Петра, он был знаком со многими современниками знаменитого императора и состоял в дружеских отношениях с Я. Штелиным, который собирал анекдоты о Петре Великом (один из них повествует о встрече царя с Бургаве в Лейдене), и с М. М. Щербатовым, который был крупнейшим знатоком и издателем документов петровского времени. Д. Виллемс, специально изучавший вклад Санчеса в русскую культуру, справедливо отмечал, что Санчес относился к России в высшей степени доброжелательно, без тени высокомерного пренебрежения, свойственного некоторым западноевропейским визитерам. Однако нельзя вслед за Виллемсом признавать Санчеса безусловным поклонником реформаторских талантов Петра I, близким по своим оценкам А. Кантемиру и В. К. Тредиаковскому²⁰. За внешне уважительными высказываниями португальского врача в адрес Петра Великого просматривается отнюдь не восторженная оценка культурных новшеств петровского времени. Он справедливо полагал, что панегиристы Петра, как правило, не задумывались о «средствах и основаниях» культурной политики царя.

Проект Санчеса «О насаждении наук и искусств в Российской империи»²¹ был написан в 1765 г. для И. И. Бецкого, который был главным помощником Екатерины II в делах просвещения. При внимательном рассмотрении его текста мы видим, что это не просто предложения по реформированию Кадетского корпуса. Это целостная программа переустройства российской системы образования и науки, предполагающая серьезные изменения в общественном устройстве России. Для осуществления этой программы автор считал необходимым создать в государстве пост министра образования и искусств. Для дворян он предлагал программу изучения «гражданских наук», необходимых для управления государством, для простолюдинов – «полезных наук», направленных на обеспечение жизнедеятельности государства и общества. На первый взгляд может показаться, что автор является сторонником жесткого сословного разграничения в образовании. На самом же деле Санчес, исходя из оценки реального состояния русского общества, предполагал поставить дело

образования так, чтобы в будущем преодолеть сословные барьеры. Учить гражданским наукам (это в первую очередь мораль, право и экономика, а также логика, математика, физика, история, языки) простолюдинов, не обладающих в России правами собственности и свободы, тратить на это государственные средства, – абсолютно бесполезно. В этом можно убедиться, считал Санчес, на примере политики Петра I в области образования.

«Поскольку этот великий монарх управлял с помощью указов и благодаря своему удивительному уму и неподражаемой активности и проворству компенсировал твердые законы, он не создал и не основал никаких учреждений для образования, которое должны иметь дворяне, где они могли бы совершенствоваться в науках управления государством. Такое поведение монарха соответствовало его правилам и его манере управления, он не признавал у своих подданных ни собственности, ни свободы: в таком случае образование было излишним и бесполезным»²². Иными словами, деспотическое государство не испытывает необходимости в образованных чиновниках. И лишь такой необыкновенный монарх, как Петр Великий, мог благодаря своему гению достигнуть успехов в управлении государством. Если же такового монарха не найдется, государство может впасть в «многочисленные замешательства и беспокойства». Доктор Санчес, переживший в России эпоху дворцовых переворотов, не понаслышке знал об этих нежелательных «замешательствах».

Гораздо более стабильной, по мнению Санчеса, является монархия, которая управляется с помощью «твердых законов». Автор полагал, что именно в этом направлении движется Россия. Только в законной монархии есть смысл создавать университеты, академии, кадетские корпуса, где будут изучаться «гражданские науки». Только свободные люди могут с пользой изучать их, а в екатерининской России таковыми могут считаться только дворяне.

Что же касается простонародья, то его обучение «полезным наукам», считал Санчес, должно происходить за счет общества, а не за счет государства. Иначе было при Петре I, когда государству пришлось оплачивать потребность во врачах, механиках, архитекторах, приглашая их из Европы. «Если этот великий монарх хотел подготовить этих образованных специалистов, он должен был произвести большие затраты (может быть, бесполезные), чем в случае приглашения их из-за границы, как он и делал. Полезные науки, если бы они были учреждены в то время, не произвели бы ни малейшей пользы ни империи, ни монарху, чья непостижимая активность не сочеталась с медленной подготовкой собственных специалистов в этих науках»²³. Согласно Санчесу, изучение выходцами из простонародья «полезных наук» станет эффективным и полезным при двух условиях: в случае отмены крепостного права и роста городов, которые смогут на свои средства

содержать художников, врачей, механиков. То есть науки должны распространяться по мере развития собственности и свободы. Это должно происходить медленно, в соответствии с ростом естественных потребностей общества.

Санчес также указывал на огромную пропасть, которая разделяет в России культурный уровень столицы и провинции. Он считал, что главные учебные заведения для народа должны находиться в Москве. Он писал о необходимости интеграции завоеванных прибалтийских провинций с Россией.

Для настоящего развития культуры, полагал он, бесполезно приглашать иностранцев в Россию, бесполезно посылать взрослых людей учиться за границу, надо, чтобы Россия, исходя из своих потребностей и общественных условий, сама занималась подготовкой своих подданных, как в «гражданских», так и в «полезных» науках.

Ж. Дюлак, изучивший неопубликованные записки Санчеса, показал, что оценка преобразовательской деятельности Петра I была обязательным элементом собственных проектов португальского доктора по «цивилизации» России²⁴. В частности, в записке «Некоторые средства, позволяющие связать приобретенные провинции с Российской империей» (1765) Санчес высказал замечания в связи с завоевательной политикой России, а также по поводу «колоний», основанных Петром Великим. В деятельности царя он видел некий поворот в завоевательной политике русских монархов: от завоеваний с целью ограбления и порабощения к завоеваниям ради укрепления собственного государства и приведения своих подданных в «гражданское состояние». Например, в завоеванной Прибалтике жители сохранили все свои права и привилегии, но при этом, как замечает Санчес, царь не смог обеспечить подлинной интеграции прибалтийских провинций в составе империи.

Введение царём подушной подати Санчес рассматривал как «первый шаг, сделанный правительством по пути введения в империю гражданской свободы и собственности»²⁵. Такая оценка кажется несколько странной, ибо русские историки традиционно оценивали этот шаг, привязавший крестьян к государству и армии, как их окончательное закрепощение²⁶. Но утверждение Санчеса имеет свою логику в том смысле, что в петровское время даже частновладельческие крестьяне были накрепко привязаны своими платежами к государству, которое оказалось заинтересованным в «бережении земледельцев»²⁷.

Говоря о «колониях» Петра I, Санчес имел в виду не поселения иностранцев, а внутреннюю колонизацию: заселение русскими вновь завоеванных и пустующих окраинных земель. Автор записки «Некоторые средства» одобрял меры петровского правительства по заселению и хозяйственному освоению Юга России, Слободской Украины, Дона, Нижнего Поволжья. Продолжая традицию XVII в., правительство строило здесь

новые оборонительные линии, основывало крепости и города. Главными недостатками этой деятельности, по мнению Санчеса, посещавшего южные районы России, были насильственный характер этих мер, когда земледельцев отрывали от насиженных мест, и невозможность наладить тесные связи между центром и окраинами страны. Правительство не смогло придать провинциям страны органическое единство, чтобы сделать из России «единый народ и единую нацию»²⁸.

Таким образом, хотя Санчес и признавал исторические заслуги Петра, его собственная программа «цивилизации» России расходилась с реальной политикой «великого монарха»: он предлагал другой образ управления государством, иное социальное устройство, а также способы просвещения, противоположные мерам Петра I. Он указывал на отрицательные последствия завоевательной политики царя и на отсутствие подлинного единства в огромной империи. Эта программа не только в основных идеях, но и в частностях совпадала с взглядами Д. Дидро.

Вслед за Ж. Дюлаком нельзя не заметить явного параллелизма во взглядах на проблемы России Санчеса, Дидро, а также Д. А. Голицына, которые тесно общались между собой в 1765–1767 гг. Как иронически замечал в 1767 г. М. Grimm, «этот триумвират забавлялся тем, что два или три раза в неделю во время ужина управлял Российской империей»²⁹.

Князь Дмитрий Алексеевич Голицын – экономист и друг Дидро³⁰. Русский посол в Париже, а затем в Гааге, ученый и политик, франкофил и поклонник просветителей и физиократов, он с энтузиазмом воспринял реформаторские начинания Екатерины II 1760-х годов. В переписке со своим троюродным братом российским вице-канцлером Александром Михайловичем Голицыным он сформулировал свои предложения по реформированию России, своеобразный план её «цивилизации». Хотя Голицын не использовал это слово, речь шла о создании базовых условий для дальнейшего подъема экономики и культуры России в их тесной взаимосвязи, что в кругах, близких к Дидро, вскоре выльется в концепцию «цивилизации». Главным препятствием на пути прогрессивного развития страны князь Голицын считал крепостное право. Пока русские крестьяне не только не обладают собственностью, но сами являются собственностью господ, считал автор писем, нельзя надеяться на процветание государства. «Собственность <...> должна рассматриваться как истинная основа, как солидная база процветания государства. Без неё искусства и науки никогда не будут процветать»³¹. Путь собственности и свободы Голицын считает естественным путем развития, который при помощи хороших примеров должен быть осознан самим народом. Личная свобода и обладание хотя бы собственностью на движимость могут стать залогом подъема сельского хозяйства и внутренней

торговли, что в свою очередь будет способствовать формированию третьего сословия, без которого невозможны рост населения России, развитие городской жизни и процветание искусств и наук. «Собственность необходима для формирования третьего сословия, без которого искусства и науки никогда не смогут расцвести, ибо нельзя сказать, что они процветают там, где с помощью денег и покровительства монарха академии и университеты готовят некоторое количество художников и ученых и где лучшие художники являются иностранцами»³².

Предложения Д. А. Голицына целиком основаны на изучении исторического опыта европейских стран от средневековья до современности. Он ссылается на примеры средневековой Франции, Англии, Италии, а также указывает на происходящую отмену крепостного права в Дании³³. Исторические труды Вольтера, Юма, Мабли, Аржансона служили для него источниками фактов. Отмена крепостного права, рост населения и городов, развитие торговли, формирование третьего сословия в позднесредневековой Франции являются особенно вдохновляющим примером для князя-франкофила, высоко оценивавшего современное состояние наук и искусств на берегах Сены. Екатерина II, которая читала письма Голицына и сделала ряд критических замечаний, выразила некоторое сомнение в том, что опыт Франции годится для России, ведь «Вся Франция не составляет и половины Новгородской губернии»³⁴.

С деятельностью Екатерины II Голицын связывал и определенные политические надежды. В частности, он, как и Дидро, полагал, что Уложенная комиссия, распущенная в связи с русско-турецкой войной возобновит свою работу и станет постоянным законодательным органом³⁵.

Д. А. Голицын в своих письмах почти не ссылается на исторический опыт России XVIII века. Он слишком осторожен, чтобы указать на него как на отрицательный пример, ибо хорошо знает об официальном культе Петра I, который поддерживала и правящая императрица. Лишь негативная характеристика социально-экономического состояния России косвенно указывает на то, что Голицын не очень высоко оценивал результаты петровских реформ. Низкий уровень сельского хозяйства и торговли в стране, а также отсутствие естественных условий для развития науки и искусства для него очевидны. «Современное состояние России в отношении агрокультуры и внутренней торговли должно рассматриваться как соответствующее состоянию других стран Европы во времена феодального правления»³⁶. Кроме того, Голицын подчеркивает, что реформы следует проводить постепенно, исподволь: «Нельзя внезапно вводить новшества в государство»³⁷.

Д. А. Голицын не удержался и без почти обязательной для русских авторов XVIII в. ссылки на пример Петра I. Говоря о возможном устройстве

«передвижного» суда в случае личного освобождения крестьян, он находит поддержку в словах первого императора. «Я тем более склонен утвердиться в своем мнении, что я нахожу почти такую же идею у Петра Великого. Смотри его вновь изданный Журнал, часть 1, страница 329»³⁸. Речь идёт о «Журнале, или Поденной записке Петра Великого», изданном М. М. Щербатовым в 1770–1772 гг. Увы, на указанной странице ни о каких судебных установлениях Петра I речь не идёт.

Несомненно, общение с Д. А. Голицыным способствовало интеллектуальной подготовке поездки Дидро в Россию выработке его концепции «цивилизации» России. Однако можно усомниться, что Дидро, говоря о «хороших наблюдателях», адекватно оценивающих состояние России, имел в виду именно Голицына. Этому аристократу почти не пришлось жить в России. (Примечательно, что он сам ссылаясь на мнение долго жившего в России доктора Санчеса.) Пребывание Голицына в Петербурге летом 1769 г. было скорее исключением. Это был человек, сформировавшийся во Франции.

К сказанному остаётся добавить, что «хорошими наблюдателями» могли быть для Дидро не только путешественники и очевидцы происходящих в России событий, но и мыслители, к которым автор испытывал уважение, такие, например, как Ш. Монтескье³⁹ или Д. Юм. Последний, в частности, писал о Петре I: «Последний царь был без сомнения выдающимся гением: он был проникнут любовью и восхищением к европейским искусствам. Но это ему совсем не мешало проводить во многих случаях политику Османов и силой утверждать свои абсолютистские решения, обычные для этой варварской империи, где не существует ни метода, ни формы, ни закона, чтобы умерить власть судей. Он не чувствовал, насколько этот обычай противоречил задуманному им плану цивилизовать свой народ»⁴⁰.

Все сказанное свидетельствует о том, что накануне своего путешествия в Россию Д. Дидро был хорошо знаком с произведениями европейской мысли, которые формировали его представление о далекой северной стране. Памятуя о том, что французы, побывавшие в России, как правило, не разделяли восторженного отношения Вольтера к России и её «просветителям», можно понять истоки критического настроения Дидро накануне его поездки в Петербург. Философ вел активный обмен мнениями по поводу путей «цивилизации» России со своими французскими и русскими собеседниками, не понаслышке знавшими о российской действительности.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ (№ 16-01-00083).

Примечания

¹ Принадлежность Дидро «русских» страниц первого издания «Истории обеих Индий» Г. Т. Рейналя убедительно

показана Д. Годжи: *Goggi G. Diderot et la Russie : quelques remarques sur une page de la première édition de l'« Histoire des deux Indes » // L'Encyclopédie, Diderot, l'esthétique. Mélanges en hommage à Jacques Chouillet 1915–1990. Paris, 1991. P. 99–112.*

² (*Raynal G. T.*) *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. T. 2. Amsterdam, 1770. P. 204–205.* Здесь и далее перевод с французского автора статьи.

³ (*Locatelli F.*) *Lettres Moscovites. Paris, 1736. P. 4–5.* Хотя нет прямых свидетельств знакомства Дидро с книгой Локателли, идейная перекличка их высказываний очевидна. Автор «Писем» с первых страниц заявляет о своём намерении описывать русский народ «таким, каким я его нашел, а не таким, каким его представляют другие». Локателли, сохраняя личное уважение к Петру I, объявляет его реформы неудачными. Он много раз возвращается к идее о их бесполезности. По его мнению, формы управления, заимствованные из Европы, не соответствовали деспотическому характеру власти в Московии, а также национальному характеру русских. Автор критически отзываясь о Петербурге, он отмечает нежизнеспособность русского флота и неразвитость коммерции. Осуждая стремление царя идти «гигантскими шагами», Локателли выдвигает свой вариант начала реформ, который предполагает основание не академий и кадетских корпусов, а элементарных школ. См.: *Locatelli F. Op. cit. P. 12, 50–51, 113–114, 141–142, 157, 218, 230–231.*

⁴ (*Algarotti F.*) *Lettres du comte Algarotti sur la Russie... Londres ; Paris, 1769.* Наблюдения Альгаротти, который побывал в Петербурге летом 1739 г., были одним из главных источников статей о России в Энциклопедии Дидро. См.: *Goggi G. Diderot-Raynal e Algarotti sulla Russia // Letteratura fra centro e periferia. Studi in memoria di Pasquale Alberto De Listo. Napoli ; Roma, 1987. P. 543–584*

⁵ *Бильбасов В. А.* Дидро в Петербурге. СПб., 1884. Приложение I. С. 151 (оригинал по фр.).

⁶ *Fontenelle. Oeuvres complètes. T. 1. Genève, 1968. P. 343.*

⁷ *Chappe d'Auteroche J. Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761. Amsterdam, 1769 (2-e éd.). P. 339.*

⁸ См.: *Карпер д'Анкос Э.* Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. с фр. О. Павловской. М., 2005. С. 225–424.

⁹ *Diderot D. Correspondance recueillie, établie et annotée par G. Roth. Vol. III. Paris, 1957. P. 242.*

¹⁰ *Diderot D. Corr. Vol. X. Paris, 1963. P. 237.*

¹¹ *Ibid.*

¹² См.: *Mervaud M. Introduction // Chappe d'Auteroche J. Voyage en Sibérie fait par ordre du roi en 1761 // Studies on Voltaire and eighteenth century. 2004. № 3. P. 96–97 ; Goggi G. Alexandre Deleyre et le Voyage en Sibérie de Chappe d'Auteroche : la Russie, les pays du Nord et la question de la civilisation // Le Mirage russe au XVIII siècle / textes publiés par S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 77–83.*

¹³ Подробнее см.: *Мезин С. А.* Д. Дидро и Е. Р. Дашкова о «цивилизации» России // Из истории русской

- общественной мысли XVIII–XX веков : сб. науч. ст. К 70-летию профессора В. А. Китаева. Н. Новгород, 2012. С. 65–72.
- ¹⁴ Mémoires de la princesse Dashkaw // Архив князя Воронцова. Кн. 21. М., 1881. С. 137 ; *Даикова Е. П.* Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 98.
- ¹⁵ *Diderot D.* La princesse d'Ashkow // Diderot D. Oeuvres complètes / éd. par H. Dieckmann, J. Proust, J. Varlot. Paris, 1984. T. XVIII. P. 374.
- ¹⁶ Mémoires de la princesse Dashkaw. P. 138.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. М., 1978. С. 48–49.
- ¹⁹ См.: *Dulac G.* Ribeiro Sanches et le développement de la Russie : le travail politique d'un médecin encyclopédiste (1764–1771) // Ici et ailleurs : le dix-huitième siècle au présent. Mélanges offerts à J. Proust. Tokyo, 1996 ; *Idem.* Science et politique : Les réseaux du Dr Antonio Ribeiro Sanches (1699–1783) // Cahiers du Monde russe. 43/2–3. Avril–septembre 2002.
- ²⁰ *Willemse D.* António Nunes Ribeiro Sanches – élève de Boerhaave et son importance pour la Russie. Leiden, 1966. P. 111–112.
- ²¹ Опубликовано: *Willemse D.* Op. cit. P. 126–167.
- ²² Ibid. P. 132.
- ²³ Ibid. P. 140.
- ²⁴ См.: *Дюлак Ж.* Рибейро Санчес о политике колонизации и колониях в России (1765–1766) // Европейское Просвещение и цивилизация России / отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. М., 2004. С. 264–280.
- ²⁵ Там же. С. 269.
- ²⁶ См.: *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1718–1728 гг. Л., 1982.
- ²⁷ Царские указы о «бережении» крестьян, см.: ПСЗ. Т. 5. № 2707, 3294, 3770.
- ²⁸ *Дюлак Ж.* Рибейро Санчес о политике колонизации и колониях в России. С. 273.
- ²⁹ *Dulac G.* Le discours politique de Petersburg // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. Octobre 1986. № 1. P. 51 (в конкретном случае речь шла о Дидро, де Ла Ривьере и Голицыне, но можно предположить и присутствие Санчеса при обсуждении этих проблем).
- ³⁰ О нем см.: *Цвирева Г. К.* Дмитрий Алексеевич Голицын. Л., 1985 ; *Кучеренко Г. С.* Д. Дидро и Д. А. Голицын // Французский ежегодник. 1984. М., 1986. С. 203–219 ; *Dulac G., Evdokimova L.* La correspondance de Dmitri A. Golitsyn (1760–1784) // Dix-huitième siècle. 1990. № 22. С. 367–400.
- ³¹ *Golitsyn D. A.* Lettres sur le servage et le développement de la Russie (1765–1771), éd. G. Dulac // Politique et économie au temps des Lumières / textes réunis par Gérard Klotz. Publications de l'Université de Saint-Etienne, 1995. P. 119.
- ³² Ibid. P. 128.
- ³³ Ibid. P. 118–119.
- ³⁴ Ibid. P. 138.
- ³⁵ *Dulac G., Evdokimova L.* Op. cit. P. 385.
- ³⁶ *Golitsyn D. A.* Lettres sur le servage et le développement de la Russie. P. 133.
- ³⁷ Ibid. P. 149.
- ³⁸ Ibid. P. 152.
- ³⁹ См.: *Мунути П.* Образ России в творчестве Монтескье // Европейское Просвещение и цивилизация России. С. 31–41.
- ⁴⁰ *Hume D.* Essais politiques. Paris, 1972. P. 233.

УДК 94 (470.23–25) |1846| + 929 Милютин

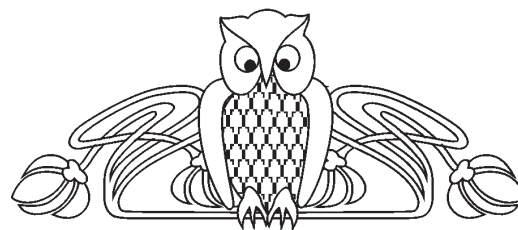
НИКОЛАЙ МИЛЮТИН И РЕФОРМА ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 1846 ГОДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

М. В. Зайцев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru

Статья посвящена реформе городского самоуправления Санкт-Петербурга, осуществленной в 1846 г. Рассматривается роль Н. А. Милютина в подготовке и реализации этого преобразования. Автор пытается проследить исторические последствия реформы, а также ее влияние на дальнейшую карьеру Милютина.

Ключевые слова: история России XIX в., история русского города, Н. А. Милютин, история Санкт-Петербурга, реформа 1846 года.

Nikolai Milyutin and the Reform of Municipal Self-government of 1846 in Saint Petersburg

M. V. Zaytsev

The article is devoted to the reform of municipal self-government in St. Petersburg carried out in 1846. The role of N. A. Milutin in the preparation and implementation of this transformation is considered. The author tries to trace the historical impact of the reform and its impact on Milutin's future career.

Key words: history of Russia in XIX century, history of Russian cities, N. A. Milutin, history of Saint Petersburg, reform of 1846.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-275-282